

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ П. ФЕЙЕРАБЕНДА

Ю. А. ЗИНЕВИЧ, В. Г. ФЕДОТОВА

В буржуазной литературе последних лет заметно усилился интерес к теоретическому осмыслению развития науки. Он проявляется, в частности, во все возрастающем количестве историко-логических концепций научного знания (Поппер, Кун, Лакатос, Тулмин, Фейерабэнд). Различное видение хода развития науки во многом определено различными социально-культурными представлениями, ценностными ориентациями. В данной статье мы обращаемся к анализу одной из них, имея целью привлечь внимание к проблеме роли социально-культурных ориентаций в исследовании науки.

П. Фейерабэнд, к критическому анализу которого мы обращаемся в данной статье, доводит историко-эволюционистскую традицию в философии науки до ее последних пределов, которые едва удерживают его в числе представителей данного направления. Если у Поппера, Куна, Лакатоса, Тулмина мы сталкиваемся с различными, но достаточно четкими логическими концепциями развития науки, то Фейерабэнд предлагает некоторую схему истории науки, с содержательной стороны лишенную логического статуса: это плюралистическая схема альтернативных теорий. Слово «альтернатива» теряет здесь свое точное значение — «каждая из двух исключаящих друг друга возможностей». Альтернативные теории, по Фейерабэнду, не создают ситуации такого выбора. Их параллельное существование, плюрализм теорий он рассматривает как гарантии надежного познания. Правда, в результате имеющегося плюрализма теории вступают в борьбу, и какая-либо теория может победить. Но тогда, по Фейерабэнду, необходимо создать новые альтернативные теории. Плюралистическое представление приобретает у него характер методологического принципа.

Альтернативные теории, утверждает Фейерабэнд, неперевоимы и несоизмеримы: они дают отличающиеся предсказания в одной и той же эмпирической сфере. Кроме того, возможности теорий не исчерпываются их описанием совпадающей эмпирической сферы и, наконец, не существует фактов, способных обеспечить выбор из альтернативных теорий, так как сами факты зависят от теорий.

Данная позиция была изложена Фейерабэндом в ряде статей¹, которые привлекли внимание советских авторов². Книга Фейерабэнда «Против метода»³ получила критическое освещение также преимущественно по проблеме альтернативных теорий⁴. Стал предметом обсуждения

¹ *Feyerabend P. K. Explanation, Reduction and Empiricism.*— In: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science.* Minneapolis, 1962, vol. 3; *Feyerabend P. K. How to be a good empirist.*— In: *The Philosophy of Science.* Oxford, 1974, и др.

² *Никифоров А. Л.* Методологическая концепция П. Фейерабэнда.— *Вопросы философии*, 1976, № 8, с. 142—146; *Пивоваров Д. В.* Метод альтернатив в современной «философии науки» и его границы.— *Философские науки*, 1979, № 6, с. 106—113.

³ *Feyerabend P. K. Against Method.* L., 1976.

⁴ *Лекторский В. А.* «Альтернативные миры» и проблемы непрерывности опыта.— В кн.: *Природа научного познания.* Минск, 1979, с. 63; *Симанов А. Л.* Альтернативные теории: проблема поиска и выбора в научном познании.— В кн.: *Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР.* Новосибирск, 1978, с. 254—268; *Петров В. В.* Критический анализ проблемы несоизмеримости в современной «философии науки». Новосибирск, 1974.

также тезис Куна — Фейерабенда о концептуальной нагруженности фактов⁵.

В советской литературе отмечается двойственное значение идеи альтернативных теорий. С одной стороны, это способ критики позитивистской методологии, верно фиксирующий некоторые ее недостатки. Критика адресована также К. Попперу, Т. Куну и И. Лакатосу. Принадлежит вместе с ними к одному направлению исследования науки, Фейерабенд, однако, неудовлетворен их недостаточно радикальной, по его мнению, критикой позитивизма.

Однако его собственная концепция развития науки, основанная на идее плюрализма теорий, оказывается слишком бедной в методологическом отношении. Плюрализм, альтернативность теорий — это не нормативная характеристика многообразия возможностей выбора. Эти требования не только не дополняются представлением о каких-либо других нормативных регуляторах научной деятельности, но решительно отрицают их. Недвумысленно обозначив свою точку зрения как методологический или эпистемологический анархизм, Фейерабенд утверждает, что используемые в науке методы не могут быть эксплицированы в виде методологических правил. Такие правила не имеют места, а если иногда и имеют, то само их наличие не является правилом. Он считает, что развитие науки тесно связано с внеучеными факторами, которые не поддаются учету, контролю и в силу этого не являются нормами. Многие высказывания Фейерабенда дают существенные основания говорить о нем как об агностике и скептике. Он проводит аналогию между политическим и эпистемологическим анархизмом в непризнании власти, в случае науки — власти правил и метода⁶. Он указывает на примеры в истории науки, которые, с его точки зрения, доказывают или полное отсутствие каких-либо правил или то, что правилом может стать что угодно, вплоть до упорядочивающей структуры мифа, религиозных представлений, настроения исследователя и т. д. Фейерабенд прямо утверждает, что «нет объективных критериев, которые руководят нами в выборе из различных возможностей познания природы и общества»⁷. Фейерабенд создает немалую путаницу, говоря то о внеученых факторах в познании природы, то о них же в исследовании науки и не делая различий в этих далеко не идентичных случаях.

В силу бесперспективности его логико-методологических построений Фейерабенд оказался малоинтересным для методологов. То, что привлекло к нему внимание, — критика позитивизма, идея зависимости факта от теории, представление об альтернативных теориях — часто исследуется совсем не в связи с работами Фейерабенда. Так, идея альтернативных теорий и альтернативных онтологий гораздо чаще связана с анализом Куайна, где эта проблема хотя и решена неверно, но поставлена интереснее⁸.

Сам термин «анархизм», столь разоблачивший себя в социальной практике, звучит крайне отталкивающе для тех исследователей, изучающих логику и закономерности развития науки, кто стремится к доведению методологии до средства, облегчающего путь к получению истинного знания.

На наш взгляд, оценка Фейерабенда сквозь призму интереса к логико-методологическим аспектам оставила за кадром многие вопросы, в том числе и логико-методологического характера, которые нуждаются в критическом разборе. И прежде всего речь идет о социально-культур-

⁵ Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977, с. 106—117.

⁶ Feysabend P. K. Über einen neueren Versuch, die Vernunft zu retten.— In: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft, 18, 1975, S. 482.

⁷ Ibid., S. 488.

⁸ См. Лекторский В. А. «Альтернативные миры...»; его же. Логика и онтология. М., 1978.

ных, мировоззренческих установках Фейерабенда, оказавших влияние на его концепцию истории науки⁹. Только учитывая их, можно дать целостный анализ взглядов Фейерабенда, в которых выражены некоторые характерные тенденции не только буржуазных логико-методологических подходов, но и социологии науки, некоторые феномены культурной жизни Запада. Взгляд на концепцию Фейерабенда с позиций социологии и рассмотрение ее как социологической открывают многие особенности, не замеченные критикой, требующие обсуждения.

Можно сказать, что Фейерабенд в неадекватной форме уловил важные проблемы. В частности, это антипозитивистская, антиинструменталистская и антиинтернационалистская трактовка феномена науки, критика сциентистского самодовольства тех, кто превратил отношение к науке в безусловную и наивную веру. Вторая проблема — это определение статуса дисциплин, изучающих науку, их принадлежность к гуманитарному, а не естественнонаучному знанию. Третья проблема состоит в рассмотрении науки как социального явления и зависимости получения научных знаний и реконструкции этого процесса от социально-культурных установок исследователей. Остановимся на них в данной последовательности.

Отрицание методологии Фейерабендом направлено против формализма позитивистских представлений о ней и выступает как отрицание (сильно преувеличенное) «репрессивности» введенных позитивистами методологических правил¹⁰. Более важным представляется, однако, не эта доведенная в целях критики инструментализма в методологии почти до абсурда установка Фейерабенда, а подчеркивание им комплексного характера методологических принципов¹¹, которые он ради размежевания со своими оппонентами и акцентирования методологической роли социально-культурных факторов называет не методологией, а «профессиональной идеологией»¹². «Профессиональная идеология» как целостный тип методологии влияет, по мнению Фейерабенда, на направление исследования в науке и самой науки и приводит к возможности альтернативных решений¹³.

Соглашаясь с пониманием комплексного характера методов, мы не можем согласиться, однако, как с полным отрицанием нормативного значения ряда методологических подходов, так и с полным пренебрежением к процедурам логического вывода. Кроме того, нельзя не заметить двусмысленности термина «профессиональная идеология». Та сторона его содержания, которая вскрывает социально-культурные влияния на науку и ее исследование, адекватно выражена в марксистском представлении о методологии и не нуждается в новом термине.

Подчеркивая комплексный характер «профессиональной идеологии», включающей в себя вне- и внутринаучные факторы, Фейерабенд бьется над решением той проблемы, которая уже решена в марксизме: комплексного представления о методах, при котором подчеркивается значение всех методологических средств — теории как метода получения новых знаний, эксплицируемых в данной области знания методологических правил, методологической роли мировоззрения.

Несовместимость и несоизмеримость научных теорий — исходный методологический постулат Фейерабенда — играют немалую роль в обо-

⁹ Некоторое исключение составляет приведенная выше статья *Симанова А. Л.* (см. сноску № 4) и статья *Петрова В. А.* Особенности социологического аспекта развития науки в современной буржуазной философии.— В кн.: Методологические проблемы науки, вып. 1. Новосибирск, 1973; а также *Палий В. Ф.* Диалектика исторического и логического в развитии науки. Л., 1979.

¹⁰ *Feyerabend P. K.* Über einen neueren Versuch, die Vernunft zu retten, S. 482.

¹¹ Ibid., S. 489.

¹² Ibid., S. 492, 495, 496, 500.

¹³ Ibid., S. 500.

сновании задач дисциплин, изучающих науку. Несоизмеримость теорий может быть оценена как применение метода индивидуализации, требующего постоянного внимания к единичным явлениям в истории науки. Это ставит герменевтическую проблему понимания различных теорий, а также истолкования терминов одной теории в терминах другой, хотя у Фейерабенда предположено скорее непонимание, чем понимание. Чтобы эти индивидуализированные объекты истории науки как-то упорядочить, необходимо установить между ними взаимосвязь. Но это — классические принципы буржуазного историзма, видящего специфику исторической науки в индивидуализации, герменевтическом истолковании и систематизации¹⁴. Они обрекают исследование на нарративный, описательный характер. Однако принцип историзма в подобном понимании обеспечивает истории науки статус исторической дисциплины, к чему стремится Фейерабенд. Но будучи представителем критического рационализма, он пытается соединить эти тенденции описательной историографии с концептуальной схемой критического рационализма, посредством которой он надеется объединить все аспекты научного знания. Эта модель единства знания, в основу которой положено требование постоянной критики теорий, сама не выдерживает критики: ее звенья распадаются, как мы покажем ниже.

Фейерабенд стал разоблачителем социальных ориентаций исследователей науки. Весьма отчетливо он выразил свою и чужую зависимость в исследовании науки от социальных представлений, хотя не всегда ему удавалось избежать вульгарного отождествления социальной и гносеологической позиции, указывая на их взаимосвязь, а также критикуя тех, кто не осознал этой связи и не довел своих исканий до выводов социологии-науки и не осознал собственных социальных представлений¹⁵. Этим мы отнюдь не хотим сказать, что осознание зависимости исследования науки от социальных представлений Фейерабендом делает эти представления, как и критику позиций его оппонентов, автоматически верными. Фейерабенд обратился к тем проблемам, которые волновали до него представителей буржуазной социально-философской мысли, как, например, М. Шелера, пытавшегося представить развитие науки в единстве с философскими и ценностными аспектами. Попытки Фейерабенда на этом фоне выглядят более плоскими. Но следует иметь в виду, что и социальные реальности, с которыми он имеет дело, стали более «плоскими», обострились контрасты и противоречия культуры буржуазного общества, огрубленно выразилась доминанта утилитарного отношения к науке.

Фейерабенд правильно характеризует социально-культурную установку Поппера на прогресс и рационализм, справедливо критикуя их социальную и гносеологическую суженность, доведенную до конформизма в одном случае и методологического инструментализма в другом. В отказе Куна от альтернативных теорий в период «нормальной науки» Фейерабенд также усматривает тенденцию к устойчивости, в том числе и социальной, и стремление к рациональному решению. Он подчеркивает, что эта «ценностная» установка Куна была не менее важной для него, чем следование историческим фактам¹⁶. Фейерабенд не скрывает

¹⁴ См. Schnadelbach H. Wissenschaftsgeschichte und Historismus.— In: Die Bedeutung der Wissenschaftsgeschichte für die Wissenschaftstheorie. *Studia Leibnitiana* (Zeitschrift für Geschichte der Philosophie und der Wissenschaft). Sonderheft 6, Wiesbaden, 1974, S. 62—72.

¹⁵ Весьма вероятно, что на исследовательскую позицию Фейерабенда в этом вопросе оказало влияние его знакомство с работами Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Разумеется, это не делает Фейерабенда марксистом, но позволяет ему глубже проникнуть в проблемы социальной детерминации развития науки и ее исследования. *Feyerabend P. K. Consolations of the specialist.*— In: *Criticism and growth of knowledge.* Cambridge, 1970, p. 211.

¹⁶ *Ibid.*, S. 202.

своих собственных ориентаций на буржуазно-гуманистические ценности, когда пишет, что «...поддержка концепции „зрелой“ науки несовместима с гуманистической позицией»¹⁷. Во взглядах Лакатоса доминирует, согласно Фейерабенду, культурная установка на защиту рационализма, понимаемого в той мере ограниченно, чтобы можно было избежать столкновения с вненаучными фактами. Видя эти вненаучные факты прежде всего в ценностных представлениях ученых, Лакатос стремится обойти их, чтобы защитить разум.

Фейерабэнд противопоставляет Лакатосу свою «попытку спасти разум»¹⁸, свое решение проблемы, которую он обозначает как проблему рационализма в исследовании науки. Однако эта проблема выглядит у Фейерабенда совсем иначе, чем у Поппера, Куна и Лакатоса. Фейерабэнд отстаивает способность рационализма к охвату вненаучных факторов. Он полагает, что Лакатос сделал уступки узким, инструменталистским, внутринаучным критериям рационализма потому, что он не довел свою теорию смены исследовательских программ до социологического закона, заключив ее в прокрустово ложе внутринаучной логики¹⁹.

Позиция Фейерабенда, с нашей точки зрения, далеко не однозначна. Его занимает вопрос, каким образом в условиях противоречивого движения знания современники великих ученых принимают их точку зрения. Находя, например, противоречия в способах эмпирических и теоретических обоснований гелиоцентрической системы Галилея, Фейерабэнд спрашивает, каким образом это учение могло пробить себе дорогу²⁰. Как отмечает западногерманский социолог науки Вайнгард, здесь имплицитно предложено наличие некоторой части социума, которая обеспечила признание концепции Галилея²¹. Поскольку для Фейерабенда важна вся сумма изменяющих знание условий, то социальным агентом, вовлеченным в теоретическую реконструкцию, с нашей точки зрения, является у него общество в целом как источник многообразных реальных и потенциальных воздействий на науку. Всегда имеющаяся возможность изменения хода развития знания, источником которой может быть общество и отдельные его элементы, фактически делает для Фейерабенда невозможной теоретическую реконструкцию. Логически чистые формы, неизбежные в любом теоретическом исследовании, теряют у Фейерабенда даже значение предельных, к которым знание стремится в конечном итоге, поскольку вносимые в ходе развития науки изменения могут быть случайны и многообразны. По существу декларируемая невозможность теоретической реконструкции развития научного знания совпадает у Фейерабенда с невозможностью реконструкции влияния социальных факторов ввиду их бесконечного разнообразия. Теоретический плюрализм возможен в силу социального плюрализма и в дальнейшем обосновывает социальный плюрализм. П. Н. Федосеев считает, что плюрализм претендует на общемировоззренческий статус, содержит претензии на охват всех сфер жизни, хотя на передний план и выдвинуты методологические и гносеологические проблемы²². Сказанное справедливо, например, в отношении последователя Фейерабенда, критического рационалиста из ФРГ Г. Шпиннера. Он обосновывает свои мето-

¹⁷ Ibid., S. 210.

¹⁸ *Feyerabend P. K. Über einen neueren Versuch, die Vernunft zu retten.*

¹⁹ Ibid., S. 502. *Feyerabend P. K. Bemerkungen zur Geschichte und Systematik des Empirismus.* In: *Grundfragen der Wissenschaften und ihre Wurzeln in der Methaphysik.* (Hrsg. v. Weingart P., München, 1967, S. 163—168.

²⁰ *Feyerabend P. K. Bemerkungen zur Geschichte und Systematik des Empirismus.*— In: *Grundfragen der Wissenschaften und ihre Wurzeln in der Methaphysik* (Hrsg. v. Weingart P.), München, 1967, S. 163—168.

²¹ *Weingart P. Wissenschaftlicher Wandel als Institutialisierungsstrategie.*— In: *Wissenschaftssoziologie 2. Determinanten wissenschaftlichen Entwicklung* (Hrsg. v. Weingart P., Fr. a. M., 1972, S. 15.

²² *Федосеев П. Н. Мировоззрение, философия, наука. М., 1979, с. 17—18.*

дологические установки нелиберальными, плюралистическими социальными устремлениями и отмежевывается от тех «новых» критических рационалистов, которые связали свой плюрализм с социал-демократией²³, обосновывает большой политический спектр и универсальность плюралистических представлений²⁴. Философ-марксист не может принять плюрализма, анархизма ни в их политической, ни в «эпистемологической» форме. Он не может согласиться с той релятивизацией науки, которая предпринята Фейерабендом и его последователями. С точки зрения марксистского понимания, центральным при любой постановке остается вопрос об объективности научного знания, его соответствия объекту исследований, остро встающему в связи с его социальной обусловленностью.

Фейерабэнд преувеличивает роль социально-культурных установок исследователей науки, их значимость в рациональной реконструкции развития науки. Он впадает в крайность, отрицая относительную самостоятельность развития науки, т. е. в экстернализм, вопреки своим стремлениям к целостному представлению науки в единстве ее вне- и внутринаучных факторов, вопреки его собственным утверждениям, что ценностные предпочтения исследователей науки формируются не только социальными и культурными процессами, но и представлениями, проистекающими из исторического хода развития науки.

В этом противоречии обнаруживается такая социально-культурная установка Фейерабенда, которая делает его выразителем социально-критических взглядов на науку: Фейерабэнд критикует не только имеющиеся теории науки, но самую науку, выражает недовольство ее реальным бытием. В особенности отчетливо он выразил это в предисловии к немецкому изданию своей основной работы²⁵.

На концепцию Фейерабенда оказало влияние антисциентистское «наследство» (пересмотр взглядов на науку происходил во многом под влиянием ее антисциентистской критики), которое, однако, не играет в его концепции доминирующей роли. Важнее другое — стремление понять феномен науки в единстве его познавательных и социальных задач. Выражая требование к науке быть феноменом культуры, Фейерабэнд отмечает, что научная картина мира нашего времени не является картиной мира человека, в то время как на начальных этапах развития классической науки ее антирелигиозный пафос и создаваемые ею представления о мире являлись общедоступными²⁶. Эта критика исторически сформировавшегося способа существования и функционирования науки оправдывается тем, что в своих истоках наука оформлялась как способ обоснования культуры и новых ценностей. Действительно, исследователи науки начала Нового времени Бэкон и Декарт ориентировались на анализ понятия науки, вытекающего не только из ее эмпирического феномена, но прежде всего из социальной потребности адаптации к новым социальным условиям²⁷. Однако если тогда культивирование научных ценностей в качестве общественных норм имело прогрессивную антирелигиозную направленность и способствовало формированию самой науки, то ныне черпаемые из сложившегося в буржуазном обществе бытия науки, работающие в науке нормы обнаруживают свою социальную узость. Фейерабэнд характеризует эту ситуацию как превращение науки в «дело, которое формирует дух его практиков вместо того, чтобы

²³ *Kritische Rationalismus und Sozial-Demokratie*. 2 Aufl. Berlin — Bonn — Bad — Godesberg, 1975.

²⁴ *Spinner H. Pluralismus als Erkenntnismodell*. Frankfurt. a. M., 1974; *Spinner H. Popper und Politik I. Geschlossenheitsproblem*. Berlin — Bonn, 1978.

²⁵ *Feyerabend P. K. Wider den Methodenzwang. Skizze einer anarhistischen Erkenntnistheorie* Hrsg. v. Habermas J. Fr. a. M., 1976.

²⁶ *Feyerabend P. K. Über einen neueren Versuch, die Vernunft zu retten*, S. 480.

²⁷ См. *Межуев В. М. Наука как культурный феномен*. — В кн.: *Социологические проблемы науки*, 1974, с. 111—137.

самому формироваться через него»²⁸. Этот упрек по поводу неучастия науки в формировании социально значимых ценностей, выходящих за пределы производства, весьма справедлив. Утилитарное использование науки в буржуазном обществе лишило науку ее исходной культурной роли в том отношении, что, участвуя в производстве вещей, наука как бы отвернулась от человека, от решения его жизненных проблем. Ее материальные успехи бесконечно выросли, ее духовный рост оказался несоизмеримо мал.

Исследуя социально-культурные установки своих коллег, изучающих науку, Фейерабенд в отношении себя самого ограничивается декларированием буржуазного гуманизма, антиконформизма, широкого представления о рациональности как способности разума овладевать в процессе исследования всеми вне- и внутринаучными условиями, о способности науки не только решать свои собственные задачи, но и служить счастью людей. Внимание исследователей привлекает сочувственный интерес Фейерабенда к религии, утверждение ее сходства с наукой. На наш взгляд, апелляция Фейерабенда к религии связана с тремя причинами: с осознанием кризиса жестких методологических оснований науки, представленных в индуктивистски-фундаменталистских схемах, со стремлением найти в науке нравственные, духовные ценности и некоторой в этом разочарованностью, с отголосками прежде имевшихся способов трансцендентально-ценностного преодоления релятивизма и в конечном итоге просто с неудовлетворенной действительностью. Фейерабенд убежден, что его представления выражают исключительно его собственную позицию, вызревшую из его критики Поппера, Куна, Лакатоса, и не уделяет внимания или не видит вообще объективных истоков своих социально-культурных детерминант в исследовании науки. В силу этого он не может ответить на неизбежные вопросы своих оппонентов: как превратить его «профессиональную идеологию» в методологию? Как осуществить в познании и гносеологии его правило не следовать правилам? Как развить творческий поиск в науке? Как превратить ее в важный фактор целеполагания и элемент культуры, формирующий человека и решающий его жизненные проблемы? Как в условиях специализации сделать научные достижения феноменом обыденного сознания людей?

Основное решение, которое предлагает Фейерабенд, состоит в требовании изменить «профессиональную идеологию», перейти на позиции эпистемологического анархизма. Никто не станет оспаривать, что задание идеала способствует его внедрению. Но и сам идеал формируется в условиях назревшей в нем потребности, в данном случае в недовольстве бытием науки в буржуазном обществе.

В связи с неудовлетворенностью наукой буржуазного общества, с одной стороны, и буржуазной ограниченностью, проявляющейся в неспособности критиковать буржуазное общество в целом, с другой,— возникает тенденция к критике науки как ядра буржуазной культуры. Действительные отношения при этом переворачиваются на идеалистический лад. Развитие общества рассматривается как следствие развития знания. Идеологические проблемы оцениваются уже не только и не столько в отношении классовой и политической жизни общества, сколько его научной жизни. Обнаруживается другой смысл «профессиональной идеологии» Фейерабенда. Речь идет о такой сумме или системе взглядов на науку, которые бы выражали классовые ценности либерально мыслящей буржуазии. Эта «профессиональная идеология» обнаруживается у исследовательской науки гораздо отчетливей, чем у самих ученых. Она выработана, с одной стороны, в борьбе с позитивизмом, с другой — в конфронтации с иррационализмом и антисциентизмом. Явно родившись из неудовлетворенности бытием науки в буржуазном обще-

²⁸ *Feyerabend P. K. Über einen neueren Versuch, die Vernunft zu retten, S. 483.*

• стве, «ценности» Фейерабенда направлены на его изменение путем изменения науки и служат, следовательно, в известной мере средством критики буржуазного применения науки. Причина и следствия здесь перепутаны, но ощущение кризиса науки и общества передано остро. Каждому из предъявляемых к науке требований можно найти аналог в нехватке какого-то общественного блага или свободы. Например, плюрализм и анархизм выступают как проекция на науку нехватки общественных свобод, дилетантизм — как перенесение на науку неудовлетворенности тем, что человек не является в буржуазном обществе субъектом истории, в частности, и наука — специализированная деятельность по производству знания — предлагает ему готовые решения, которые он может только принять на веру и т. д.

Однако эта общесоциологическая подоплека социологических требований к науке далеко не всегда осознается выдвигающим их автором, хотя она всегда присутствует. Соответственно не осознается, что выполнение предъявляемых требований возможно лишь при изменении социального окружения науки, а в конечном итоге — замене буржуазных общественных отношений социалистическими.

Еще более сложно обстоит дело с перенесением названных требований или ценностных ориентаций, имеющих явно социологическую природу, в гносеологию и тем более в практику исследования. Фейерабэнд, забыв о выявленных им в отношении других исследователей первичности социологических интенций, не предполагает этого в отношении себя самого. Он подает свой идеал как гносеологический. Но его применение в рамках науки в настоящее время осуществить практически невозможно. Фактически он разрушит науку. Мы неизбежно столкнемся с выявившимся в антисциентистских доктринах переходом к вненаучным формам знания: искусству, обыденному знанию. Это выражено, в частности, у Фейерабенда путем придания обыденному языку статуса научной теории и рассмотрения описания на обыденном языке как альтернативной теории. Предлагаемая новая «профессиональная идеология» может оказаться плодотворной лишь в той мере, в какой она сумеет повлиять через изменение идеалов социального бытия науки на ее реальное бытие. Но именно анализ объективных условий существования науки оказался вне поля зрения Фейерабенда.

PROBLEMS OF SCIENCE DEVELOPMENT THEORY AND THE METHODOLOGICAL ANARCHISM OF FEYERABEND

Yu. A. ZINEVICH, V. P. FEDOTOVA

The authors critically analyse the logical-mathematical world of Feyerabend. An attempt is made to interpret Feyerabend's historical-logical reconstruction of science with reference to his social-cultural attitude.